

Р. Г. АПРЕСЯН

**«АВТОБИОГРАФИЯ – ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ,
А ЖИЗНЬ – ЭТО ПРОЦЕСС, СОБЫТИЕ...»**

Автобиографическое интервью¹

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-207-220

Аванесов С. С.: Рубен Грантович Апресян, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии Российской академии наук. Интервью 24 августа 2021 года. Рубен Грантович, приветствую вас!

Апресян Р. Г.: Здравствуйте, Сергей Сергеевич!

Аванесов С. С.: Давайте мы сегодня с Вами поговорим о том, как связаны человеческая жизнь, судьба, автобиография и насколько автобиография может в жизни философа выступать чем-то большим, чем литературный жанр. Насколько с помощью автобиографии философ, а может быть, вообще любой человек, может достраивать

собственную судьбу, конструировать себя самого, а может быть, и вообще становиться самим собой только через такой автобиографический взгляд на себя. Ну, это гипотеза, которую мы сейчас попытаемся обсудить. У меня есть несколько вопросов к Вам. Итак, первый вопрос. Вы уже пишете автобиографию, или вы считаете, что это дело ненужное, поскольку главное в жизни философа – это говорить и размышлять не о себе, а о сущем, человечестве и так далее?

Апресян Р. Г.: Признаться, никогда об этом не думал.

Аванесов С. С.: То есть это для вас неактуально.

Апресян Р. Г.: Нет. Бывало пару раз, что у меня брали интервью отчасти в этом ключе. Одно из них было в серии интервью с разными людьми под рубрикой «Мой путь в профессии». Вопросы, которые интересовали интервьюеров, были для меня самого поводом вернуться к каким-то эпизодам, событиям в моей жизни, давней и не очень. И мне это было интересно. А сам с собой в таком ретроспективно-дескриптивном ключе я скорее всего не думаю, не говоря о том, чтобы это записывать.

Правда, что-то иногда всплывает само. Мне интересно бывает обнаружить, просматривая старые записи или заметки на полях, о чем я думал лет

¹ Разговор записан 24 августа 2021 г. Интервью провел профессор С. С. Аванесов (Великий Новгород). Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

тридцать или двадцать назад. Случалось не раз, я находил в старых записях то, о чем, как мне казалось, я стал думать недавно. В докомпьютерные времена значительную часть вспомогательной исследовательской работы я фиксировал на карточках. Иногда свои записи я по каким-то мотивам помечал числом. Когда я выборочно перенес содержание карточек в электронный архив, я сохранил и даты. Как оказалось, это полезно – для удовлетворения моего сегодняшнего любопытства, не более того.

Есть ещё один момент. Мне кажется это должно быть вам близко – *визуальная автобиография*. В моей семье была традиция составления фотоальбомов. Я ее продолжил и поддерживал до некоторых пор, до наступления цифровых времен. Смысл в новых альбомах как-то потерялся. А вот фото я сохраняю, раскладываю по хронологическим полочкам, атрибутирую. Это и дневник своего рода, и автобиография.

Для сообщения или тем более рассказа о себе мне необходим внешний импульс. Вот, по случаю какого-то юбилея мои коллеги взяли у меня интервью. В несколько заходов, в общей сложности часов семь-восемь. Своими вопросами они каким-то образом структурировали мою рефлексию себя. Это был их взгляд на меня, который стимулировал мой взгляд на себя. Автобиография предполагает некоторый вопрос к себе и ответ себе же. Хотя я, как мне кажется, рефлексивный человек, потребности в таком самовопрошании у меня нет.

Аванесов С. С.: Может быть, сочинения отражают жизнь философа?

Апресян Р. Г.: Я бы сказал по-другому: задним числом можно сказать, что сочинения сделали биографию – из них сложилась моя биография. Автор, конечно, реализует себя в сочинениях, но объективно, наоборот, из сочинений складывается его биография. Творческие замыслы нередко возникают «из ничего». Это не всегда ясно тем, кто с творчеством не связан. В предыдущие годы ученым академических институтов (не знаю, доходило ли такое до университетов) спускались из Министерства науки и даже из Президиума РАН запросы – срочно (всегда непременно срочно, размерности там не терпят) составить планы исследований и до... 2030 года, указав на ожидаемые результаты. Можно было гомерически смеяться, можно было чертыхаться, но приходилось что-то изображать. Никто, кроме инициаторов таких «прогнозов», всерьёз к этому не относился. Другое дело проектное исследование, на проведение которого запрашивается финансирование по гранту: заявка представляет собой план исследований на три-пять лет. Но чем более отдаленный план, тем менее строго он реализуется, поскольку каждый последующий этап исследования опирается на результаты предшествующего. А если заранее знать, какие будут результаты, исследование не имеет смысла. Планируя грантовые исследования, я всегда стараюсь оставлять время для спонтанных исследований. Именно они дарят исследователю переживания приключения, порой острого.

Аванесов С. С.: Вот Вы сказали, что для философа жизнь как бы выстраивается через его сочинения, через его работу, через его деятельность. А нельзя ли тогда сказать, что у философа как бы двойная жизнь получается: есть личная его жизнь и жизнь, которая официальная, которая выражена в его текстах, которые опубликованы? Есть ли у него непубличная жизнь? Чем отличается его приватная жизнь?

Апресян Р. Г.: В жизни философа, в смысле, исследователя в области философии или преподавателя философии есть личное и публичное, как в жизни большинства людей современного общества. Другое дело, что у людей творческого труда, интеллектуального творческого труда граница между личным и публичным проходит иначе, чем у промышленного рабочего, врача, офисного или торгового работника. Я имею в виду, что у работника творческой профессии граница между личным и публичным не совпадает с границей между работой и досугом, даже если его «рабочее место» множественно. В то же время, граница между личным и публичным не совпадает с той линией, если она есть, которая отделяет автора от уже опубликованного произведения. Многие труды остаются сугубо личным делом автора, поскольку их никто толком не прочитал или, прочитав, тут же забыл. Какие-то труды живут своей жизнью со своими читателями даже тогда, когда автор ушел от них в своем внутреннем развитии, в своих взглядах, и более не идентифицирует себя с ними. Превыше его труды, которые имеют своего читателя, но фактически потеряли своего автора (ушедшего от них), являются ли частью его публичной жизни? – Не уверен. Но они несомненно являются частью его биографии, и вряд ли он станет умалчивать о них, возмись он за автобиографию. Скорее даже наоборот, автобиография может стать для него поводом заявить о своей более непричастности им.

Аванесов С. С.: Отличается ли жизнь философа от жизни нефилософа, если отличается?

Апресян Р. Г.: Жизнь человека интеллектуального труда, творческого труда, не обязательно непременно философа в выше названном смысле слова, отличается, конечно. У него нет жесткой границы между временем труда и временем досуга. И уж во всяком случае эта граница – предмет его личного самоопределения. Не исключаю, что для кого-то отсутствие такой границы есть условие возможности своеобразного эскапизма, возможности с головой уйти в творчество, исследования и «спрятаться» от жизни. Повторяю, это отнюдь не специфично для философа. Но философия, возможно, одно из немногих интеллектуальных поприщ, которое уводит в башню из слоновой кости.

Аванесов С. С.: Понятно. Вы читали какие-то философские автобиографии. Если да, то какие вам больше всего понравились и считаете ли вы философскую автобиографию философским сочинением?

Апресян Р. Г.: Пожалуй, я читал, конечно, то, что все читают: Руссо, Толстого, Бердяева.

Аванесов С. С.: Ну, вот «Самопознание» Николая Бердяева – это же философское сочинение.

Апресян Р. Г.: Несомненно. «Самопознание» – философское сочинение, поскольку это автобиография философа, и в ней он описывает свой путь в философии через встречи с современными ему мыслителями, многие из которых были близкими ему людьми, через осмысление и освоение различных проблематик, через анализ себя сквозь призму тех или других философских представлений. Когда эта книга была издана в России, кажется в 1990 году, я, понимая, что передо мной автобиография философа, читал ее (кажется, это было третье его произведение, с которым я познакомился) для понимания не столько Бердяева-философа, сколько философии Бердяева. Помнится, в те времена знакомые мне преподаватели философии использовали этот труд Бердя-

ева в преподавании философии, особенно на семинарских занятиях, именно благодаря тому, что ряд центральных для творчества Бердяева философских проблем, рассматривались в этой книге в доступной для студентов форме. Не исключено, что кто-то из студентов, увлекшись, дочитывал это произведение самостоятельно уже именно как автобиографию Бердяева.

Аванесов С. С.: Мне кажется, у Бердяева философия всегда индивидуальна.

Апресян Р. Г.: Пожалуй.

Аванесов С. С.: Тогда получается, что для него автобиография – это самый что ни есть философский жанр. А все остальные его сочинения, не автобиографические – не настолько философские. Потому что всё-таки там он немного объективирует свою мысль. А вот самопознание напрямую...

Апресян Р. Г.: Это зависит от того, как мы понимаем процесс философского мышления и как он рефлектируется тем или другим философом. Для кого-то это – объективация мыслящего субъекта. Бердяев нередко рассматривается как экзистенциалист, персоналист. Сам процесс философствования он мог считать глубоко индивидуальным. Таков он и есть. Но тогда что такое его «Самопознание» как не решительная объективация собственного опыта философствования, деиндивидуализация философии? Использование «Самопознания» в качестве учебного пособия, о чем я только что упомянул, – прямое подтверждение такой возможности, причем реализуемое разными «пользователями» в разных режимах в зависимости от их мыслительных, исследовательских, преподавательских и прочих целей.

Аванесов С. С.: То есть Вы можете назвать, допустим, автобиографии, написанные философом, но не являющиеся философскими сочинениями?

Апресян Р. Г.: Возьмём Жан-Поля Сартра как автора художественных произведений, некоторые из которых – совершенно несомненно, «Слова» – хотя содержат сильный элемент автобиографичности, не являются автобиографиями в собственном смысле слова. Поскольку Сартр – и автор знаменитых философских произведений, то и «Слова», как и другие его художественные произведения, нередко рассматриваются как источник для понимания его философии. Но являются ли они философскими именно потому, что содержат автобиографический элемент? Является ли «Исповедь» Руссо философским сочинением как автобиография или как произведение философа Руссо? Может ли философ написать автобиографию не как философ и в этом смысле не как автобиографию философа, а как, скажем, литератор? К сожалению, для полного и внятного ответа на ваш вопрос мне критически не хватает эрудиции.

Аванесов С. С.: Можете ли Вы назвать момент в Вашей жизни, который стал ключевым эпизодом в вашей биографии как философа? Вот с какого момента или события (если смотреть ретроспективно) Вы стали вести себя или думать как философ?

Апресян Р. Г.: Надо подумать, что значит, вести себя как философ? Что значит философ? Да, я занимаюсь философией, некоторыми её проблемами. Но стал ли я философом? Недавно довелось обсуждать этот вопрос в досужем разговоре с приятелями: кто из видимого круга коллег, авторов – философ, а кто просто исследователь, «философский работник» (Ницше) или имитатор на стезе философии (возможно, сам не осознающий этого). Говорили, как бы шутя, не только про других, но и про себя. И сошлись на том, что по большому счёту, конечно же, должно пройти время, чтобы дать ответ на этот вопрос.

Аванесов С. С.: Хорошо. А если не по большому счёту, а просто найти момент, который повлиял на то, что Вы посвятили свою биографию философии, скажем так.

Апресян Р. Г.: Я не посвящал чему-то свою биографию.

Аванесов С. С.: Нет?

Апресян Р. Г.: Я не мыслю в таких категориях. Точнее было бы говорить о жизни, а не биографии. Не было у меня такого сознательного акта, посвящения своей жизни чему-то. Разве что мы метафорически так изъясняемся: раз человек всю жизнь чем-то занимается, то этому он свою жизнь и посвятил. Может быть, это вопрос языка, и просто я чураюсь патетической риторики. Впрочем, я могу сказать, что занимаюсь моральной философией, этикой. Я знаю, что послужило поводом для моего обращения к этике, при каких обстоятельствах случались какие-то важные решения в моей профессиональной биографии (я об этом рассказывал в упоминавшемся интервью «Мой путь в профессии»). В какой-то момент я стал отчетливо осознавать свою принадлежность моральной философии, заметив, что по многим поводам размышляю, уже будучи обременённым опытом специального чтения, своих случившихся исследований. Помню, что это произошло в какой-то момент, когда я много читал, интенсивно готовясь к кандидатскому экзамену по этике, дело было в аспирантуре. Это был прорыв в чтениях, серьезных и критических, многих и разных. Вдруг я почувствовал, что начинаю мыслить по-другому. Потом, годы спустя, бывали случаи, что в беседах со студентами и аспирантами я делился этим своим опытом, и часто слышал в ответ, что это им знакомо, может быть в каких-то других формах, по другим поводам. Им приходилось слышать от друзей по старым школьным или каким-то другим компаниям при встречах: «Ну, ты философ!». На мой вопрос, понимают ли они такую реакцию своих старых друзей, мои молодые собеседники отвечали, что не понимают, но чувствуют, что под «ну, ты философ» подразумевается: «всё ясно, о чём с тобой разговаривать!». Скорее всего, воспринимаемая из специальных чтений и дискуссий категориальность и обобщенность суждений незаметно проникает в обыденное мышление, становится фактором высказываний в потоке каждодневности. В первую очередь, это проявляется в стремлении к ясности на принципиальном уровне, т. е. на уровне «первоначал». Кажется, в народе именно говорящих на общем абстрактном уровне, этаких резонёров, и называют философами. Вспомнилось, как-то давным-давно мне довелось с семьей снимать дикарями на востоке Украины, где мы снимали с одним селе скромную хатку. В одной из неспешных бесед хозяин, к тому времени уже не столько старый, сколько больной и слабый, повоевавший в большую войну, побывавший в плену, выпивший полностью «свою цистерну», меня спрашивает: «Слушай, а чем ты занимаешься?». Обычно я уклончиво отвечаю на такие вопросы, избегая слов: «философ, философия». А тут не нашелся, что сказать, к тому же летнее состояние души, ленивость наших бесед, и я после паузы, прямо сказал: «Философией». Он усмехнулся и говорит добродушно: «Кхе, был тут у нас *хфилософ* – дурный такой дурный». Ну, в самом деле, абстрактно говорящий, разве он что-нибудь понимает, может сказать что-то дельное? Для кого-то из моих молодых собеседников, как девушек, так и юношей, признававших все более растущую по мере их обучения на философском факультете отчужденность в отношениях со старыми друзьями, это новое качество отношений,

было подтверждением их обновляющейся идентичности, а для кого-то было проявлением разрушения старой идентичности, основанной на дружеских узах из детства.

Аванесов С. С.: Понятно. А представьте, что Вы всё-таки пишете свою биографию.

Апресян Р. Г.: Мне трудно это представить. Может быть дело в том, что для автобиографии нужна какая-то более мощная память, а у меня с этим не очень.

Аванесов С. С.: Для кого вообще пишется автобиография?

Апресян Р. Г.: Наверное, не только для себя. В автобиографии есть некий гонор, мне кажется. Почему гонор? – Вроде бы я смиренно себя призываю к ответу, а на самом деле я же не в стол пишу, я же выставляю свой труд на свет, публикую.

Аванесов С. С.: То есть нескромность какая-то в этом может быть. Да?

Апресян Р. Г.: В этом есть какая-то нескромность, которая, наверное, у некоторых оправдана.

Аванесов С. С.: Чем?

Апресян Р. Г.: Мощностью их личности. И они вправе понимать мощность своей личности.

Аванесов С. С.: А не может автобиография искренне ощущаться человеком как некий долг, который он должен исполнить перед детьми, потомками, учениками? У Флоренского есть сочинение «Детям моим», так и называется. Это автобиография.

Апресян Р. Г.: «Детям моим» – это извечный жанр. Обращение: «Сын мой» – общее место во многих памятниках литературы мудрости древности. Для мыслителя XX века такая форма несколько архаична. Хотя еще XVII– XVIII веках это было вполне в духе времени.

Аванесов С. С.: Хотя очень многие писали автобиографии. И философы в том числе.

Апресян Р. Г.: Мне было бы интересно понять, какое должно быть внутреннее состояние души, что я отстраняюсь от своих дел, своих текущих занятий и начинаю писать автобиографию, делаю себя предметом самого себя?

Аванесов С. С.: Думаю, заподозрить человека в каких-то завышенных амбициях можно, наверное, в том случае, если героем его автобиографии выступает он сам как «великий» философ, как учитель человечества и так далее. Но если он (как персонаж своей собственной биографии) выступает как частное лицо, у которого просто есть история, и эта история связана с какими-то поучительными, важными или знаменательными событиями, которые он просто хочет зафиксировать и передать, то какой в этом гонор, какая здесь гордыня? Может быть, это просто долг перед людьми?

Апресян Р. Г.: Тогда, если мы говорим о философах, у Бердяева же не это. Его книга не случайно же называется «Самопознание». Я сейчас говорю только о названии. По сути это сочинение представляет смену и развитие проблематик, интересовавших философа на разных этапах его жизни, и через них самого философа.

Аванесов С. С.: Ну да. А возможно ли найти философа, который написал автобиографию, в которой он выступает не как философ, а как просто лицо в истории?

Апресян Р. Г.: Я даже знаю такого философа. И читал такую автобиографию, причем не просто читал, а читал и сравнивал с тем, что автор за несколько лет до того, как он сел за мемуары, рассказывал мне лично.

Аванесов С. С.: Кто это?

Апресян Р. Г.: Дубровский Давид Израилевич, автор «Воспоминаний», уже вышедших двумя изданиями.

Аванесов С. С.: Он написал автобиографию?

Апресян Р. Г.: Да. Но это не была биография его как философа, это именно история его жизни, по ходу которой он пришел к философии.

Аванесов С. С.: То есть воспоминания, скажем. Да? Мемуары.

Апресян Р. Г.: Книга так и называется: «Воспоминания». Но воспоминания о своей жизни – разве это не автобиография?

Аванесов С. С.: Кстати, когда человек пишет автобиографию, само это написание автобиографии – это же часть его биографии?

Апресян Р. Г.: «Воспоминания» Дубровского интересны вторым изданием с добавленной в конце новой главой. В ней первое издание подвергается рефлексии, обусловленной тем, что в его жизни что-то существенно переменялось. Думаю, эти перемены и побудили его ко второму изданию.

Аванесов С. С.: Не *бывает ли* так, что в самой автобиографии видно, что автор описывает то, как он пишет эту автобиографию. У того же Флоренского: «Пишу при свече».

Апресян Р. Г.: Может быть и так. Это может быть и строка в дневниковой записи. К слову, я знаю одного философа, который всю жизнь ведёт дневник, заноса в него записи чуть ли ни ежедневно. Знаю об этом со слов третьего лица. Ведущему дневник уже под 90. Возможно, он ведет его лет восемьдесят, около того. Но, обратите внимание, он ещё не написал автобиографию. Во всяком случае об этом ничего не известно.

Аванесов С. С.: А есть ведь жанровая разница между дневниками, мемуарами и автобиографией? Дневники не всегда предназначены для внешнего читателя.

Апресян Р. Г.: Не предназначены напрямую. Но известно немало случаев предсмертных распоряжений относительно минимального срока для публикации дневников после смерти автора. Тем самым допускается их публикация. Мемуары могут быть написаны в жанре автобиографии, т. е. истории своей жизни. А могут быть другие жанры – воспоминания о событиях, о встречах с людьми. Думаю, автобиография предполагает взгляд на себя со стороны. В дневниках тоже может быть взгляд на себя, но в потоке текущих событий. Автобиография – взгляд на себя в перспективе вечности. Хотя, разумеется, автобиографии бывают разные. Однако, чем больше мы сейчас говорим, тем лучше я понимаю, что это – предмет для специального исследования, предполагающего знакомство со многими и разными автобиографиями.

Аванесов С. С.: Может ли написание автобиографии изменить самого писателя? Например, его философские взгляды, мировоззрение?

Апресян Р. Г.: Вообще, рефлексия может изменить. Я был свидетелем одного такого случая.

Аванесов С. С.: Автобиография основана на рефлексии. И поэтому...

Апресян Р. Г.: Автобиография, конечно, основана на рефлексии. Более того, автобиография – это продукт уже состоявшейся рефлексии. Мне вспоми-

нается случай, когда рефлексия человека по поводу какого-то события в прошлом, буквально что-то изменила в человеке. В заключение небольшого, наверное, трехдневного или около того, семинара с учителями по нормативной этике я проводил тренинг. Тренинг состоял из серии последовательных заданий на анализ каких-то эпизодов из своего нравственного опыта (предполагалось, но явно не проговаривалось, что это должен быть опыт из профессиональной практики учителей). Парадоксально, но большинство учителей сделали предметом своего анализа педагогический опыт... своих собственных учителей, когда они были школьниками, и в основном это было запоздалым выплескиванием старых обид. Лишь двое или трое из всей группы подвергли анализу свой собственный опыт. Одна учительница, наиболее активный и мыслящий участник семинара, стала рассказывать об одном случае воспитательного действия в отношении излишне самонадеянного ученика, которое, как ей казалось, оказало на него благотворное влияние и даже позволило ему в чём-то исправиться. Она говорила, что называется, с расправленными плечами, с чувством профессионального достоинства, в полной уверенности своей правоты. По ходу ее истории я стал вводить вопросы для обсуждения, чтобы перенести представленный сюжет из контекста собственного профессионального опыта учительницы в контекст содержания нашего семинара с проговаривавшимися нами этическими критериями педагогической работы. И в какой-то момент, слово за слово, в ней что-то происходит, она, кажется, начинает понимать, что в соотношении с усвоенными в ходе семинара этическими представлениями, в частности, непричинения вреда, справедливости, уважения к личности ученика, смысл произошедшего предстает для нее иначе, чем она всегда себе представляла. У неё опускаются плечи, ей становится не по себе и со слезами на глазах она выбегает из аудитории. Спустя немного времени она возвращается, чтобы рассказать о случившейся в ней перемене точки зрения на тот давний эпизод и признать свою неправоту в отношении к дерзкому ученику. Потом в личной беседе, когда я пытался как-то её успокоить, она заверила меня, что этот случай во время тренинга стал главным, что произошло с ней в ходе семинара. То есть благодаря рефлексии, причем эксплицированной в групповом обсуждении, учительница осознала, что была совершена профессиональная ошибка, и это стало для неё важным личным уроком. Я просил её положить всю историю на бумагу, и она вроде бы была готова. Но, как часто это бывает, не сложилось. Жалею, что я не взялся за это сам. Надо было найти время, выспросить у неё обо всем и описать. Отличный бы вышел кейс.

Аванесов С. С.: То есть получается, что как бы есть первый уровень рефлексии, когда ты сам себе говоришь о том, что с тобой произошло. Но потом, когда ты это публикуешь, может возникнуть второй уровень рефлексии, когда уже пошла отдача, отзыв. И этот отзыв может поменять содержание твоей рефлексии первого уровня, и ты становишься другим?

Апресян Р. Г.: Да, примерно так. Только это случается довольно редко. И опыт того семинара тому подтверждение. В тренинге участвовало 15–17 человек. Все взрослые люди, состоявшиеся профессионально. Но эта перемена произошла с одним человеком (как я потом узнал из кулуарных бесед, еще с одним участником подобная перемена произошла внутренне, без публичной репрезентации своего конфликтного опыта). Думаю, перемена такого рода опосредована сменой идентичности: человек вступает в этот процесс

с одной идентичностью – привычной, инерционной идентичностью, а в процессе саморефлексии, тем более в кругу коллег, происходит смена идентичности. Человек как бы встаёт на другую позицию и с точки зрения другой позиции судит себя обычного. В этих условиях становится возможным личностное обновление.

Аванесов С. С.: То есть автобиография может выступить способом...

Апресян Р. Г.: Может быть по-разному. Мы видим, что для Руссо или Толстого рассказ о себе имел целью показать, какие перемены в себе им пришлось или, лучше сказать, удалось пережить. Автобиография как текст представляет результаты уже проведённой саморефлексии и случившейся благодаря ей перемене.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда нужно начинать писать автобиографию, если уж браться за это, – в течение всей жизни, чтобы с натуры фиксировать то, что происходит, и чтобы потом задним числом не придумывать ничего, вспоминая, что было; или, наоборот, для автобиографии нужна дистанция, чтобы ты мог уже писать о себе, как о себе, когда ты себя уже нашёл?

Апресян Р. Г.: Наверное, кто-то ведёт дневник, имея в виду, что когда-нибудь это пригодится для автобиографии.

Аванесов С. С.: Наивно полагая.

Апресян Р. Г.: Да. Будучи в совсем юных годах, я вёл дневник. Вёл для себя, чтобы потом, из другого возраста перечитать и что-то понять про себя. Однако всё не читалось. Потом я стал думать: «Вот мой сын будет в этом возрасте, и я прочту. Это будет полезно». Кажется, я несколько раз открывал те записные книжки, но толком так ничего и не прочитал. А есть такие, которые не ведут никаких дневников, а потом садятся и рассказывают о своей жизни. Многие интересно рассказывают, стоит начать читать – не оторвешься.

Аванесов С. С.: Есть во многих философских автобиографиях такая вот повторяющаяся мысль о том, что опираться на дневники нельзя. Когда я писал эти дневники 30–40 лет назад, я не понимал, что происходит. И в моих дневниках записана не правда, а полная иллюзия. И только теперь, через 30–40 лет, я понимаю, что тогда происходило. То есть тут дело не в том, чтобы точно или неточно помнить то, что произошло, а чтобы понимать смысл того, что происходило.

Апресян Р. Г.: Я бы не согласился с такой интерпретацией. Наверное, часто так и случается, что человек переосмысливает своё прошлое. Буквально переосмысливает, т. е. изменяет смыслы произошедшего. Но я бы сказал, что к себе-давнему надо относиться с доверием и не навязывать себе-давнему себя-сегодняшнего. Я-давний уже Другой по отношению к себе нынешнему, и тот Другой, пусть это и я-давний, ещё молодой и не набивший шишек жизненного опыта, требует уважения.

Разумеется, дневники не могут просто быть конвертированы в автобиографию. Это всего лишь источник, это материалы. Может быть, не дневники, может быть, переписка. Письма могут быть очень емким источником информации самого разного рода о человеке. В письмах человек уже адресует себя другому и вместе с тем он находится в определённой рефлексивной позиции по отношению к себе. В зависимости от характера адресата, человек находится в разной степени распахнутости или отстранённости от себя, или идеализирования себя.

Аванесов С. С.: Тут же ещё вопрос: даже если я состою в переписке с кем-то, насколько верно я выражаю на словах то, что на самом деле думаю. И в этом смысле человек, который пишет собственную биографию, – может ли он о чём-то умалчивать, где-то какую-то неточность допускать, а где-то даже разыгрывать читателя?

Апресян Р. Г.: Насколько человек искренен, насколько откровенен, насколько не самообманчив, насколько куражлив по отношению к другому – это вопросы уместны по отношению к любому жанру самовыражения. Во всяком случае, мы всегда должны иметь это в виду и понимать, что любые формы самовыражения заключают в себе субъективный образ субъективного мира.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда человек-философ, скажем, пишет автобиографию, должен ли он придерживаться принципа мемуаров, то есть располагать все свои воспоминания по хронологии, или он может подходить с какими-то другими организационными принципами к этому тексту? Допустим, выстраивать события не по хронологии, а по значимости или писать спонтанно. Что сегодня вспомнилось – то и описываю. И потом не выстраивать эти куски по времени.

Апресян Р. Г.: Чем дольше мы говорим, тем больше я утверждаюсь в мысли, что автобиография и мемуары – это не рядоположенные жанры. Автобиография – это разновидность мемуаров. Автобиография, как мемуары, может быть составлена так, как автор считает для себя нужным. Например, не хронологически, а тематически. Мой отец, Грант Апресян, профессор Московского университета, писал мемуары. Он начал их писать, когда ему перевалило за 75. Своё повествование он начал с февраля 1917 года, тогда ему вот-вот должно было исполниться 14 лет. Но в первой главе, рассказывая об отчем доме, отец нередко переносился к более ранним годам. Первая глава – самая интересная...

Аванесов С. С.: И Вы их читали?

Апресян Р. Г.: Чтение было двойным. Когда отец заканчивал очередную главу, он собирал друзей, близких людей и после традиционного застолья зачитывал главу, которую собравшиеся обсуждали. Я присутствовал при этом. Не говоря о том, что я как-то сопresentствовал процессу письма. В том смысле, что это обсуждалось за нашими семейными трапезами.

Аванесов С. С.: А Вы были героем этих мемуаров?

Апресян Р. Г.: Нет, конечно. Я же говорю, повествование начинается с 1917 года, с февральской революции, весть о которой долетела до далекого армянского села. Первая сцена в воспоминаниях – отец (т. е. мой дед) приходит домой и говорит: «Царя свалили». Мой отец запомнил эту фразу.

Аванесов С. С.: Ну, а в дальнейшем?

Апресян Р. Г.: Воспоминания охватывают период с 1917 года по 1922 год, когда отец по предложению старшего брата выехал из Армении в Москву с намерением продолжить там учебу. Предполагалось, что это первая часть воспоминаний. Он готовился писать вторую часть. Но её он видел совсем в другом жанре, а именно: встречи с интересными людьми – с Владимиром Маяковским, Марией Ульяновой (сестрой Ленина), Анастасом Микояном, Ильей Эренбургом, Александром Фадеевым и другими. Это совсем другой жанр. Можно было бы назвать это «автобиографией»? Скорее всего, нет. К сожалению, исполнить этот замысел ему не довелось.

Аванесов С. С.: Вот это, наверное, были как раз мемуары как воспоминания просто о времени, о людях.

Апресян Р. Г.: Да, о времени, о людях. Кстати говоря, одним из упреков рецензента к первой части, было то, что в описании тех событий избыточно присутствовал современный взгляд.

Аванесов С. С.: Вот это тоже интересный вопрос в связи с автобиографией: насколько человек, который пишет автобиографию (может быть, и мемуары), должен просто следовать фактическому описанию того, что было. Или он имеет право на оценочный взгляд или даже, может быть, обязан подвергать всё какой-то аксиологической проверке.

Апресян Р. Г.: По опыту отца, я бы сказал, что всё заключается в возможности быть искренним и свободным от самообмана, т. е. трезво и ясно мыслящим.

Аванесов С. С.: А может ли быть написание автобиографии мотивировано педагогическими или назидательными целями, желанием оказать позитивное влияние на общество?

Апресян Р. Г.: Будет ли это тогда автобиография? Впрочем, надо решить, с какой стороны мы смотрим. Вот, перед нами автобиография, и из писем или дневников автора мы знаем, что он взялся за неё для того, чтобы историей своей жизни кого-то чему-то научить или кому-то что-то доказать. Однако, как мы воспринимаем данное произведение, не имея такой информации? Если как моралистику, то это и будет моралистическим произведением с более или менее сильным автобиографическим элементом. А если как автобиографию, то назидательную часть мы можем и не замечать или не воспринимать ее в качестве таковой. Мне кажется, любое произведение мы оцениваем по факту его данности, а мотивы автора к его созданию, это уже второстепенное, важное только для специалистов, исследующих творчество автора, или для любопытствующих. Многие памятники назидательной литературы древности написаны в форме поучительного повествования автора (предполагаемого автора) о каких-то событиях своей жизни. И в традиции эти произведения воспринимались именно как наставление в мудрости (чаще, благоразумии). Для современного историка автобиографический элемент выступает на первый план и рассматривается им как возможный исторический источник, пусть и не достоверный.

Аванесов С. С.: Марк Аврелий пишет как бы самому себе, но там же цельто совсем другая – назидать.

Апресян Р. Г.: Это интересный пример. Перед нами как будто бы подмена жанров. Но подмена ли, с точки зрения самого Марка Аврелия? Или изменение жанра произведения происходит в исторической динамике, трансформации культурного контекста, в котором это произведение воспринимается в разные эпохи?

Аванесов С. С.: То есть, по-Вашему, в цели собственно автобиографии такая мотивация не входит.

Апресян Р. Г.: Вы же не стремитесь установить канон автобиографии. Изучая автобиографию как жанр, Вы наверняка хорошо знаете, что они бывают разными. И мотивироваться могут по-разному. Благодаря Вашим вопросам и я начинаю это понимать, хотя склонен был бы думать, что автобиография – дескриптивна. То есть это описательный, повествовательный нарратив. Повторюсь, мы оцениваем произведение по характеру его циркуляции в культуре.

Отдельный читатель воспринимает произведение в контексте своего культурного опыта, исходя из своих потребностей и полагаясь на свои ожидания.

Аванесов С. С.: Но если это литература, то мы же не можем свести цель любого литературного текста к чистой дескрипции. Литература, по своей сути, всегда, так или иначе, – это выдвигание образцов каких-то. Даже не навязывание, может быть, не прямая прескрипция. Но, так или иначе, выдвигание каких-то образцов: нравственных, поведенческих и так далее.

Апресян Р. Г.: Выдвигание образцов – так воспринималась миссия литературы в классическую эпоху. Хотя и в классическую эпоху были литературные произведения, авторы которых стремились скорее опорочить образцы. Современный взгляд на литературу другой – репрезентация (далеко не всегда осмысление) мира каков он есть, чаще во всей его неприглядности (а не во всей красе). И в этом смысле автобиография становится не поводом чему-то научить, а формой признания автора в том, что ничто человеческое ему не чуждо.

Аванесов С. С.: Но есть ведь некая очевидная грань между грубой, откровенной моралистикой и попыткой принести пользу, может быть, на собственном примере. Может быть, даже на собственном отрицательном примере, если это исповедническая, скажем, биография. Да? Есть же тонкая разница между первым и вторым. И вот второе как-то выглядит симпатичнее: «дети мои» или «сын мой». Вот у меня есть такой опыт, он негативный в том смысле, что ведёт к тому-то и тому-то. Я с вами этим делюсь, тем самым предостерегая вас от такого.

Апресян Р. Г.: По-хорошему, всё это следовало бы обсуждать с материалом на руках. Мне и до изучения разнообразного литературного материала кажется, что автобиографии создаются в силу разных – у разных авторов – интенций.

Аванесов С. С.: И вот ещё какой вопрос меня волнует. Может ли автобиография быть исчерпывающей? В том смысле, что может ли она действительно быть автобиографией? Если я пишу автобиографию, значит, я всё ещё жив. То есть моя биография всё ещё продолжается в тот момент, когда я пишу. Она ещё не состоялась. Она не может быть законченной, для того чтобы я мог её изложить. Таким образом, возникает такой парадокс: могу ли я написать автобиографию, если биография ещё не закончилась, то есть если её ещё нет в наличии?

Апресян Р. Г.: Мне кажется, Вы подспудно вносите в понятие автобиографии не предполагаемые смыслы, а именно что это описание *всей жизни*. Ничего подобного. Вспомним повести Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» или уже упоминавшуюся мной повесть Сартра «Слова». Да, это не автобиографии в собственном смысле слова, это автобиографические художественные произведения. Но все они – об определенном периоде жизни авторов.

Аванесов С. С.: Проблема в том, что, возможно, мы упираемся в проблему строгого определения автобиографии. Человек (это моя гипотеза) не может написать автобиографию. Потому что его биография ещё не закончилась. В момент написания её ещё нет, она не случилась.

Апресян Р. Г.: Это логический вопрос. «Не закончилась», как вы говорите, не биография, а, условно говоря, «биос», в смысле жизнь, а завершение «графии», т. е. описания, в нашем случае «авто-графии» определяется автором, на то он и «авто-».

Аванесов С. С.: Ну, и нам как читателям нужно понимать, что когда мы берём книгу, на которой написано, что это автобиография, это не биография

в том смысле, как пишется биография человека. Это лишь её промежуточный вариант.

Апресян Р. Г.: Промежуточный вариант чего? Автобиография – это произведение, а жизнь – это процесс, событие, некая реальность. Вы же не предполагаете тождества между понятием и тем феноменом, которое это понятие описывает? Почему же Вы ждёте от биографии тождественности с описываемой в ней жизнью? Даже если биография пишется об ушедшем из жизни человеке (что чаще всего и бывает, хотя, заметьте, не всегда), вы же не думаете, что авторы книг, скажем, известной серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей») представляют жизнь своих персонажей в исчерпывающем понимании её законченности, завершённости? Всегда остаётся масса того, что автору биографии не известно. Потом, биография – это не выписка из архива. Поэтому жизнь какого-то интересного человека становится предметом разных биографий, в которых волшебством их авторов предстают разные, очень разные образы одного и того же человека, в которых даются разные интерпретации его жизненного пути.

Аванесов С. С.: И более того я скажу. И биография этих людей ещё не закончилась на самом деле. Потому что их биография продолжается в их сочинениях, в том, какое они влияние продолжают оказывать на общество. То есть они живут уже...

Апресян Р. Г.: Ну, мне кажется, здесь начинаются свободные вариации на тему. Есть биографии, а есть очерки творчества. Биографии творцов как правило включают и описание их творчества, поскольку их жизнь в первую очередь интересна со стороны их творчества. Но не всякий очерк творчества включается в биографию, не говоря о подробном жизнеописании творца.

Аванесов С. С.: Просто это к вопросу о том, ограничивается ли жизнь человека его физическим существованием? Вот вопрос.

Апресян Р. Г.: У разных – по-разному. И можно сказать так, что раз кто-то взялся писать чью-то биографию, или жизнеописание, – значит, он видит в описываемой им жизни какую-то законченность. Или он намерен как раз вбить последний гвоздь, и тем самым представить описываемую жизнь в её законченности. Наверное, у биографии могут быть разные форматы. И это – предмет для исследования.

Аванесов С. С.: Да, это было бы интересно исследовать. Потому что если мы говорим о том, что автор собственной биографии пишет её не для себя, а как бы в культурное пространство, – он тем самым пытается оказать влияние на это культурное пространство. И какие волны там пойдут в связи с этим его действием, он сам предугадать не может.

Апресян Р. Г.: Или кто-то хочет, может быть, представить свидетельство через два века для кого-то. Есть такая история (я, конечно же, не вспомню имён и деталей). В Лондоне в конце XIX – начале XX века жил некий странный джентльмен, который по каким-то своим мотивам ежедневно брал пробы воздуха, консервировал банку, наклеивал этикетку с датой и ставил на полку. Все считали его чудачком, живущем бессмысленной, никчемной жизнью. А эти баночки законсервированные сохранились. И через 80 лет они стали важнейшим источником, почти археологическим, для экологического изучения. Точно так же человек может писать... Ну, как вот недавно я слышал какую-то передачу, почему в блокадном Ленинграде вели люди дневники. Ну, разные –

по-разному. Но, в частности, мы совершенно точно знаем, что кто-то писал для того, чтобы... после неминуемой смерти другие знали, как они жили. Это тоже очень важно. То есть писать в уповании на то, что это будет прочтено, когда меня уже не будет здесь, это уже другая позиция, другая перспектива.

Аванесов С. С.: Ну, и, возвращаясь к тому, с чего мы начали, – философская автобиография, или автобиография философа. Входит ли в понятие философии или в понятие философа некая личная скромность? И в этом смысле не является ли написание автобиографии проявлением такой философской нескромности?

Апресян Р. Г.: Смотря кто пишет. Вот, Фридрих Ницше бы писал. Ну, пусть он пишет всё, что хочет. Он и так нескромен. Во всех отношениях. Но мы знаем других философов, которые были скромны. Во всяком случае, по жизни. Почему-то на ум приходит Людвиг Витгенштейн. Кажется, довольно противоречивая фигура в этом смысле: как будто он ведёт себя кротко. Не в интеллектуальном плане, а, скажем так, в житейском. Но манера, как он пишет, каким он представляет в своих произведениях, – это, конечно же, совсем другое. Известны его дневники...

Аванесов С. С.: Ну, у него по-разному. У него есть тайные дневники, в которых он предстаёт как человек, крайне неуверенный в себе.

Апресян Р. Г.: Я имею в виду тайные. Их я читал. Они писались совсем не для читателя. Это мы – по инерции восприятие всего читаемого – полагаем, что они написаны для нас.

Аванесов С. С.: И в этих дневниках он постоянно сомневается в том, что он достаточно скромно. И даже приходит к парадоксальной мысли, что если человек старается быть скромным, то он тем самым проявляет гордыню.

Апресян Р. Г.: Это известный парадокс, да. Но надо иметь в виду возможность разных аспектов – психологического и этического, возможность разных перспектив – от первого лица и от третьего лица. Кажется, Джон Кейнс, который был немного старше Витгенштейна, по какому-то поводу говорил о нем как о Боге, имея в виду его философское «всемогущество». Вряд ли Витгенштейн хотя бы близко мыслил себя таким образом. Даже в уверенности, что его философия мало кому из его современников (и не только) будет понятна.

Аванесов С. С.: Хорошо. Рубен Грантович. Спасибо.

Апресян Р. Г.: Если действительно хорошо, то хорошо. А как на самом деле – посмотрим.

Аванесов С. С.: Мне понравилось. Может быть, вы хотите ещё что-то сказать от себя?

Апресян Р. Г.: Мне нечего сказать. Нет, от себя я, как правило, ничего не говорю.

Аванесов С. С.: Из скромности.

Апресян Р. Г.: Нет, не из скромности. И даже не из робости. Мне нужна какая-то внешняя стимуляция. Я это заметил в разных интервью. У меня бывало так, что интервью не получались, потому что интервьюер вёл себя кротко и скромно, вместо того чтобы тормозить. И ничего не получалось. И я понимал, что ничего не получается, потому что меня не тормозат. Это, наверное, именно по той же самой причине, по какой я не пишу автобиографию.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо большое.